

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

Г.А. КОЖЕВНИКОВ

О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы

На съездах, которые устраиваются, главным образом, в целях общения деятелей известной специальности и в целях распространения известных идей как в кругу специалистов, так и в широких кругах публики, в целях агитации вокруг того или иного вопроса, на съездах имеют право на внимание не только такие доклады, которые излагают результаты каких-либо новых исследований, но и такие, которые задаются целью осветить с определенной точки зрения какой-либо вопрос, хотя и старый, хотя в общих чертах и известный, но постоянно забываемый, постоянно оставляемый без внимания с точки зрения практического осуществления.

Есть такие вопросы, и часто весьма важные, которые прямо и непосредственно не захватывают наших жизненных интересов и о которых в силу этого приходится постоянно напоминать.

К числу таких вопросов принадлежит вопрос о праве первобытной природы на существование. Быть может, такая формулировка, как «право на существование» звучит несколько странно, но именно так, а не иначе я считаю нужным поставить вопрос.

Имеет ли первобытная природа право на существование среди победоносного шествия человеческой культуры?

Прежде такая постановка вопроса не была возможна. Чем дальше мы будем отодвигать себя мысленно в глубь веков, тем ярче будет картина полноправности и мощи первобытной природы. Было время, когда человек делал робкие и малоуспешные шаги среди полного расцвета окружавшей его стихийной силы первобытной среды.

Ставши способным к культурной деятельности, человек энергично принялся за эксплуатацию природы. Интересно вспомнить, что период древней истории, с которого начинается область исторических исследований, был периодом пышного расцвета сельскохозяйственной деятельности. Земледелие, садоводство, огородничество, не говоря уже о скотоводстве, были на высокой степени развития в те периоды истории человечества, дальше которых не могут пока проникнуть исторические изыскания. Если мы обратимся ко временам доисторическим, то и там увидим человека — и в качестве акклиматизатора-скотовода, и в качестве истребителя-охотника, т.е. и в том и в другом случае в качестве борца с первобытной природой. Нельзя не отметить, что есть авторы, которые считают, что истребительная роль доисторического человека, несмотря на несовершенство его орудий и отсутствие густоты населения, была все-таки весьма велика.

Не станем останавливаться на критическом рассмотрении этого вопроса, а посмотрим, какие данные имеются о древних шагах человеческой культуры в тех местностях, которые являются теперь центром расцвета западно-европейской цивилизации. Оказывается, например, в теперешней северной и средней Франции и Бельгии (древней Галлии) весьма рано создалась густота населения и интенсивность сельскохозяйственной культуры.

Страбон, заимствовавший свои данные относительно Галии от знатока ее Посидония (128-45 до Р.Х.), современника Юлия Цезаря, сообщает следующие в высокой степени

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

интересные факты. В Галлии времен Юлия Цезаря густота населения была такова, что не хватало почвы, годной для сельскохозяйственной культуры, был «земельный голод». В это время плотность населения в теперешней средней и южной Франции была около 20 человек на квадр. версту, а в теперешней Бельгии — около 23 человек. Не безынтересно отметить, что такая же приблизительно плотность населения существует в настоящее время в некоторых волостях Московской губернии, а именно: Муриновской Волоколамского уезда; Хотянецкой и Васильевской Рузского уезда, Гульневской и Митинской Дмитровского уезда, Аксеновской — Богородского, Вороновской — Подольского и Туровской — Серпуховского уездов. Приведенные данные относительно густоты населения Галлии времен Цезаря кажутся мне весьма интересными. Несомненно, что густота населения может считаться одним из главных показателей степени влияния человека на первобытную природу. И вот мы видим, что в Западной Европе уже весьма рано явилась та степень заселенности, которая наблюдается в настоящее время у нас еще в средней России. О таких губерниях, как Архангельская и Вологодская и значительная часть Сибири, нечего и говорить...

По свидетельству Плиния, в Галлии времен римского владычества сельскохозяйственная культура была уже на высокой степени развития. Уже были в ходу рациональные приемы земледелия, еще вполне чуждые даже в настоящее время многим из наших соотечественников: минеральные удобрения в виде мергеля, золы и извести, смена хлебных злаков кормовыми травами. Есть указания и на обработку земли не только плугами, но и бородами, и даже на существование жатвенных машин, которые были в ходу в больших хозяйствах того времени (*Galliarum latifundia*).

Понятно, что в древние времена, даже в странах с такой старой культурой, как Галлия, наряду с культурными участками было несравненно больше дикого леса, чем теперь. Но все-таки, принимая во внимание, как давно такие страны стали культурными, мы должны признать, что в настоящее время вопрос о первобытной природе является в таких странах вопросом праздным. Читая у Виммера (*Wimmer, l.c.*), каким пертурбациям подвергалась в историческое время немецкая земля, с трудом веришь, что там могло сохраниться хоть что-либо в первобытном виде. Интересно, однако, отметить, что там за последнее время явилось сильное течение в пользу сохранения «памятников природы». Под такими «памятниками» разумеется весьма многое и разнообразное. Речь идет не только о сохранении леса с его типичным населением, но и сохранении любой подробности естественного ландшафта, хотя бы мелкой и незначительной; ручей, скала, большой валун, старое дерево — все это памятники природы, и за сохранение всего этого в неприкосновенности раздаются энергичные голоса. Интересно отметить, что в 1907 году эта пропаганда отразилась практически на законодательстве, касающемся межований. Мне пришлось в бытность в Германии летом 1907 года прочитать, что законодательным порядком было предписано (кажется в Пруссии), чтобы при землеустроительных работах обращалось внимание на сохранение в неприкосновенности естественного ландшафта даже в его мелочах: предписывается не выворачивать без экстренной надобности большого валуна, не рубить группы деревьев, не менять естественного вида ручья и т.п... Культурного человека охватила жуть при виде того, что безвозвратно и неуклонно убегает от него природа, убегает с тем, чтобы никогда не вернуться.

Около больших городов и даже внутри них устраивают защитные уголки, последние убежища исчезающей «природы». В Лондонском Гайд-Парке имеется большое озеро, на котором можно видеть диких уток и лысух. Для их гнездовья имеется обнесенный колючей проволокой островок. Странно видеть среди города с населением в несколько миллионов плавающую и перелетывающую «дичь». Около Берлина имеется защитный лес

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

Grunewald, в котором немцы стремятся сохранить в возможно нетронутым виде свою северо-германскую природу. Там есть, между прочим, места, хорошо демонстрирующие следы ледникового периода. Лес очень сильно посещается публикой и следы вытаптывания там велики, но в нем не возводится никаких построек, не делается новых просек, а некоторые участки, окруженные колючей проволокой, совершенно недоступны для посетителей и служат местом гнездовья для птиц.

В Америке весьма распространены заповедные участки под названием Reservation. Один из таких участков (Blue Hill) я видел около Бостона. Это прекрасный лес, прогулки в котором допускаются, но в котором совершенно нет построек и абсолютно запрещено стрелять. Вот это запрещение построек в пригородном лесу весьма важная мера, о которой совершенно не думают у нас, принося все без исключения пригородные леса в жертву дачам. Обидно было видеть как, изуродовав Измайловский Зверинец превращением его в дачную местность, принялись за великолепный Лосиный остров — последний подмосковный лес, остававшийся нетронутым. Запрещение стрельбы у нас тоже существует только на бумаге, и охота в недозволенных местах — самое заурядное явление нашей жизни. Таким образом, у нас не существует даже мысли о том, чтобы около столицы или большого города сделать заповедный лес в истинном смысле этого слова, что делают в других странах. У нас официально считается «заповедным» Лосиный остров, превращенный фактически в дачный поселок.

Отсутствие забот о заповедных участках у нас в России особенно обидно потому, что у нас до сих пор еще не поздно захватить для защиты такие уголки, природа которых весьма близка у первобытной, чего уже не найдешь в Западной Европе. То, что там охраняют, представляет несравненно меньший интерес, чем то, что можно было бы охранять у нас. В странах со старой и интенсивной культурой, каковы Англия, Франция, Германия, природа слишком много и слишком долго подвергалась влиянию человека. Это влияние в более отдаленные времена было только опустошающее, хищническое, свойственное первобытным стадиям культурной жизни. Подобное хищническое отношение к природе видим мы теперь у нас в России, находящейся еще на стадии первобытной культуры. Эта первобытность культуры сказывается в том, что при крайне редком населении у нас раздаются жалобы на малоземелье, при плохих урожаях — жалобы на истощение почвы, на невыгодность сельского хозяйства, на обеднение лесов дичью, а воды рыбою. В стране с новейшей усовершенствованной культурой, в Германии, при гораздо большей густоте населения, нет жалоб на малоземелье, а, наоборот, есть жалобы на нехватку рабочих рук для сельских работ, так как иные заработки отвлекают население от земли; в Германии вы услышите о доходности сельского хозяйства, о том, что несмотря на большие урожаи, хорошо удобряемая почва не истощается, что количество рыбы и количество дичи увеличивается. Страна не может дальше известного срока находится в состоянии первобытной культуры, не может не применять на практике научных знаний. При увеличивающемся населении и продолжающемся первобытном хозяйстве население должно или вымирать с голода, или выселяться в другие страны, или приняться за рациональное использование природы. Раз последнее состоялось, кончаются вопли об опустошении и обеднении страны и начинается рост ее богатств. Бесплодные пески Пруссии и Ганновера превращаются постепенно или в саженьные леса, или в пышные поля, что мне удалось лично наблюдать во время поездки по Lüneburger Heide в 1907 году. Удивительным кажется факт увеличения лесной площади в северной Германии; но это происходит именно потому, что первобытные, пустынные, на песке растущие вересковые заросли — Heide — постепенно разделяются под сосновые посадки. Такое превращение губительно для одного из коренных промыслов населения — для пчеловодства, живущего исключительно за счет вереска; но остановить этого процесса облеснения вересковых

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

пустыррей нельзя, ибо лес выгоднее. Даже сыпучие пески дюн превращаются в леса, для чего особенно удобны виды сосен *Pinus pumilio*, *Pinus muqhus* и *Pinus uncinata*. Кроме бесплодных песков много и иных неудобных земель превращаются в культурные. Осушаются торфяники, спускаются дочиста водоемы с гнилой водой, обрабатываются каменистые склоны и берега рек и таким путем создаются искусственные пастбища не только для домашнего скота, но и для дичи.

В интересной книге Лудвига Даха «*Der Wildptleqer als Landwirth*» («Охотник как хозяин») нарисована своеобразная картина, как культура местности создала улушенные условия жизни многих сортов дичи. Козули (дикие козы), зайцы и куропатки выигрывают от культуры почвы. По исследованиям немецких ученых охотников, оказывается, что для этих сортов дичи холодная, сырая, дикая почва хуже почвы теплой, осушенной, заросшей наиболее питательными сортами растений. Замечено даже, что введение минеральных удобрений в практику немецкого сельского хозяйства повысило благополучие немецких козуль, зайцев и куропаток.

Нельзя не отметить еще следующего оригинального соотношения между изменением некоторых форм сельского хозяйства и процветанием некоторых видов дичи. Сокращение пастбищ, вызванное земельной теснотой, и переход к содержанию скота в стойлах улучшили состояние небольших озерков, прудов, речек и ручьев. Вместо истоптанных, оголенных от растительного покрова и загаженных испражнениями берегов мелких водоемов, которые так хорошо знакомы каждому из нас, и на которых не может гнездиться никакая птица, среди пахотных полей и возделанных лугов Германии разбросано множество уютных водных уголков, заросших камышом и иными прибрежно водными растениями, которые дают приют водяной птице.

Людность местности не мешает этому, так как многие виды не боятся людей, а боятся только истребления. Самым ярким примером может служить обилие диких уток в Берлине. За последние годы, особенно в текущем 1908 году, можно было наблюдать множество диких уток не только на рвах и прудах Тиргартена, но и на самой Шпрэ. Утки не боялись ни трама, ни автомобилей, ни общего шума и суеты города с населением выше миллиона.

Если просмотреть классическое сочинение Науманна о птицах Средней Европы, то мы увидим, что множество видов птиц вовсе не боится соседства человека, посещая городские и деревенские пруды, сады, огороды. Кряковые утки, свиязи и чирята, кулики-черныши (*Totanus ochropus* L.), травники (*T. calidris* L.), щеголи (*T. fuscus* L.), большие улиты (*T. qlottis* L.), не избегают берегов деревенских прудов, держатся иногда по соседству с жильем, конечно, при условии, если люди, увидав птицу, не ставят себе непременно целью убить ее или преследовать, пока она не улетит.

Водяные и болотные птицы значительно строже большинства воробьиных. Если мы возьмем таких птичек, как пеночки, славки, мухоловки, камышевки, крапивники, синицы, дрозды, то увидим, что для многих из них сады являются не только удобным, но даже излюбленным местопребыванием, и притом сады не только деревенские, но и даже городские, даже таких больших городов, как Берлин.

Таким образом, близость человека и культурность местности сами по себе не являются препятствием для развития животной жизни, но как складывается фауна при таких условиях — это другой вопрос.

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

Немецкие сады, парки, леса и луга не представляют собою пустыни, лишенной животной жизни; местами эта жизнь кипит, несмотря на густоту человеческого населения; но эта жизнь, конечно, весьма далека от первобытности. Только некоторые определенные виды хорошо уживаются с культурными условиями, другие же бегут от них. И если мы не примем специальных мер к охране первобытной природы, как фауны, так и флоры, то она исчезнет бесследно и заступившая ей место измененная культурой природа только обманет нас своим односторонним богатством, затушевывая образ исчезнувшего прошлого.

Представьте себе, что в лесу, носившем раньше первобытный характер, проведены широкие просеки и построены дома. На просеках сделаны богатые посадки, много цветущих кустарников, живых изгородей, много таких деревьев, которых раньше в лесу не было. Все это пышно разрослось и служит приютом многочисленным птицам. В лесу запрещено стрелять и это соблюдается. Целый ряд хищников остается здесь на гнездовьях, гнездятся даже цапли, есть белки, зайцы, даже барсуки и лисицы, которые легко уживаются в довольно шумных местностях. Получается довольно оживленная картина животной жизни. Но стоит вспомнить, что ушли из этого леса лоси, а еще раньше, задолго до постройки дач, истреблены волки, а еще раньше — медведи; стоит вспомнить, что сравнительно недавно гнездились исчезнувшие ныне рябчики, а еще раньше — глухари, и мы не станем обманывать себя тем, что, несмотря на появление в лесу жилищ, в нем еще сохранилась настоящая лесная фауна.

Чтобы иметь возможность изучать природу, мы должны стараться сохранить ее в ее первобытной неприкосновенности в виде ее наиболее типичных формаций. Конечно, надо стремиться более всего сохранить целинную степь и первобытный лес таежного типа. Какая цель сохранения таких нетронутых участков? Прежде всего чисто научная, а затем, конечно, и практическая, т.к. только научное изучение природы дает нам прочные основы для практической деятельности. Припомним, что все сельское хозяйство в сущности есть не что иное, как прикладное естествознание. Раз изучение природы есть одна из основных наших задач, то, конечно, мы должны подумать о том, чтобы эта природа сохранилась хотя местами во всей своей естественной неприкосновенности. Если мы об этом не позаботимся, то область нашего будущего изучения сильно сократится и многие вопросы останутся навсегда нерешенными, как, например, остался нерешенным вопрос о тарпане, который жил на глазах ряда натуралистов, но которого не успели изучить прежде, чем он вымер. Имея перед собою для изучения сперва опустошенную, а затем культивируемую природу и не имея для сравнения ни уголка природы более или менее первобытной, мы не сможем разгадать целого ряда интересных загадок, которые ставит нам животная и растительная жизнь.

Участки, предназначенные для того, чтобы сохранить образцы первобытной природы, должны быть довольно большого размера, чтобы влияние культурности соседних местностей не отражалось на них, по крайней мере на далеких от края частях их. Участки эти должны быть заповедными в самом строгом смысле слова. По отношению к фауне в них должна быть абсолютно запрещена всякая стрельба и ловля каких бы то ни было животных, за исключением тех случаев, когда это нужно для научного исследования.

Всякие меры, нарушающие естественные условия борьбы за существование, здесь недопустимы.

В охотничьих хозяйствах, в благоустроенных лесах практикуется, например, истребление хищников, чтобы увеличить число дичи. Этими мерами достигается усиленное

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

размножение некоторых видов, лес можно превратить в рассадник зайцев, тетеревов и т.п. Это будет пример охотничьего хозяйства, но это не будет пример заповедного леса в том смысле, который нас интересует. Нам надо не несметное изобилие зайцев, которое явится следствием истребления лисиц и запрещения охоты, а то количество зайцев, которое естественным образом выработается на этом участке при условии нормального размножения лисиц и иных их врагов, кроме человека.

Конечно, рядом с совершенно предоставленными своей естественной судьбе заповедными участками могут быть заповедные участки иного типа в целях размножения дичи, где допускается регулирование природных условий. Но это несколько не умаляет необходимости иметь заповедные участки в строгом смысле этого слова, где бы отсутствовало всякое вмешательство человеческой деятельности и где бы можно было научно изучать естественные условия жизни.

По отношению к флоре необходимо отменить прорубание просек, подчистку леса, даже сенокос и уж, конечно, всякие посевы и посадки. Не надо ничего устранять, ничего добавлять, ничего улучшать. Надо предоставить природу самой себе и наблюдать результаты.

Заповедные участки имеют громадное научное значение, а потому устройство их должно быть прежде всего делом государственным. Конечно, это может быть делом общественной и частной инициативы, но государство должно здесь идти вперед. Количество казенных земель громадно, и многие из них приносят весьма малый доход вследствие того, что расположены в местах мало или вовсе не населенных, вне путей сообщения. Наверное, существуют такие казенные участки, на которых вследствие местных условий не ведется никакого хозяйства, и превращение таких участков в заповедные не внесет никаких пертурбаций в дела государственных имуществ. Глухие, малодоступные, неэксплуатируемые казенные участки по существу дела вполне подходящи для превращения из в заповедные, так как они и до сего времени мало подвергались воздействию человека.

Но недостаточно объявить участок заповедным, надо принять меры к тому, чтобы он имел право по существу дела называться таковым. Надо подумать о том, чтобы заповедный участок был расположен среди других угодий таким образом, чтобы вокруг него существовала по возможности широкая незаселенная полоса. Так, например, среди большой лесной дачи, расположенной в незаселенной местности, заповедный участок надо выделять не с краю, а в середине дачи. В таком случае, если появится новое селение, у опушки всей лесной дачи, оно окажется все-таки отделенным от заповедного участка широкой полосой обыкновенного леса.

Кроме забот об изоляции участка самими условиями его расположения, необходимо подумать об его строгой охране от людей. Всякая охота на каких бы то ни было животных должна быть строго запрещена, и единственное исключение может быть сделано для строго научных целей, причем это дозволение коллектирования в заповедном участке должно быть обставлено совершенно особыми условиями, отличными от условий обычного научного коллектирования*. Собираение грибов и ягод тоже не должно быть разрешаемо в заповедных участках. По возможности надо запрещать проезд и проход по этим участкам, что не будет особенно затруднительно делать при условии их расположения в глухих, необитаемых местностях.

Кожевников Г.А. 1909. О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М., вып. 1.

Я полагаю, что основная идея заповедных участков настолько важна, что государству вполне уместно позаботиться об ее осуществлении. Мы не можем вполне понять окружающей нас природы, если будем изучать ее при условии постоянного, непрерывно-прогрессирующего воздействия на нее изменяющего влияния человека. Полное же понимание природы является одной из основных задач человеческого ума, и на решение этой задачи человечество строит и свой умственный прогресс и свое материальное благополучие. Поэтому я считаю вполне уместным поднять вопрос о заповедных участках на Всероссийском акклиматизационном съезде, съезде деятелей по научно-прикладному естествознанию и полагаю, что съезду следовало бы возбудить соответствующее ходатайство по этому делу.